
А утро пахнет снегом талым-талым.
Дорожный рык пугает тишину.
В тумане тонут целые кварталы,
И я ныряю в эту пелену.

Вокруг ни зги, не сгнуть бы незнамо,
Но твёрдо веря чувствам и ногам,
Я, словно в букваре родное «ма-ма»,
Читаю этот город по слогам.

Дома, дома в промозглой сизой дымке,
Глаза, глаза их доброй старины,
И ветхих крыш неброские косынки –
Таких глубинок много у страны.

Здесь ближе всё: земля, небес сединки
И даже Бог – лишь сердцем попроси.
Пройдёт туман, но будут жить глубинки,
Глубокие, как души на Руси.

С утра, раскинув самобранку,
Сижу за столиком в саду.
Сутулит яблоня осанку
В угоду каждому плоду.
Её дары вот-вот нальются
Нектаром зрелости. Но вдруг
Упало яблочко на блюдец
Из нежных яблоневых рук
Незрелым отпрыском чумазым.
И червоточины мазня
Невыразимо чёрным глазом
В упор глядела на меня.
Там чья-то жизнь уже кипела.
И я шепнула чудаку:
«Тебя, наверно, я бы съела,
Но ты нужнее червяку».

Алел восход, окрашивая крыши
Жилых домов, мечетей и церквей.
И город, что листвою июньской дышит,
Тянул к лучам ладони площадей.

И дух прохлады неизбежно таял,
И сумрак нóчи пятился как тать.
И голуби, сбиваясь дружно в стаи,
Несли на крыльях неба благодать.

А где-то высоко под синевою,
Наверное, почти у божьих врат,
Звонарь своей мозолистой рукою
Раскачивал на звоннице канат.

Стрекоза

В ладони утра солнце – что кольцо
Старинное, отмытое до блеска.
Взяв удочку, забрасываю леску
В наполненное небом озеро.

Ловлю азарт с удачей на червя,
А стрекоза, удерживаясь ловко
На поплавке, всё ждёт мою поклёвку,
Оттяпать из-под носа норовя.

Судьба бедняги, видно, нелегка.
Для стрекозы мне ничего не жалко,
Да только не заладилась рыбалка –
На выдержку клюют лишь облака.

Но я смогу воспеть наверняка
Её одежд голубоватый иней,
Изящество в июль парящих линий,
И нареку озёрною богиней,
Танцующей на шпиле поплавка.

Лужа – это мир потусторонний,
Где, земным законам вопреки,
Над лазурью в солнечной короне
Ходят вверх ногами чудаки.
Там весна – что тающая льдинка
На ладони чувственного дня,
А вон та наивная блондинка,
Кажется, похожа на меня.

Утром с неба звёзды-мушки
Шашть... и выются над рекой.
У бурёнки на макушке
Дремлет месяц молодой.

Травы, травы, словно павы,
Хоровадят на лугу.
Я девчонкой кучерявой
В детство давнее бегу.

У плетня жар-птицей донник
Распушил свои крыла.
Я несу в сарай подойник,
Но сама ещё мала.

Холит бабушка бурёнку
(Во хлеву царит уют),
Струйки лучиками звонко
Под рукой её поют.

Молоко в железной кружке
Слаще снов, теплей мечты,
Отражаются веснушки
В нём как рыжие цветы.

А бурёнка ловит носом
Дух медвяно-травяной,
И на лбу её белёсом
Дремлет месяц молодой.

Иду по Гагарина с миром в ладу,
И мне улыбается улица.
Дурачится ветер, а я всё иду,
И солнце в лазури июлится.

Бездержно в сумке поёт телефон.
На фразы, ещё не рождённые,
Уже тополя любопытствуют – вон,
Развесили уши зелёные.

Из сенсорных недр с теплотою земной
Доносится фраза нетленная.
Я трубку одной прижимаю рукой,
Другой – обнимаю Вселенную.

Ковидно-былинное

Как по русским городам
Да по весям
Покатилась беда
Пришлым бесом.

То не шведа вражья рать,
Не хазары –
Стал до срока помирать
Люд наш старый.

Потекла плакун-волна
Вкруг да возле.
Разделилось время на
«До» и «после».

А лукавый хватъ да хватъ –
И в могилы.
Хоронить да горевать
Нету силы.

Я из сердца-тайника
Выну крылья.
Перемелется ль тоска,
Станет пылью?

Помяну отца и мать –
Путь их светел.
Знают, сколько мне летать, –
Бог да ветер.

Апрель

Сошли снега, поставив точку
В недавней теме о зиме.
Уже несут в утробах почки
Зеленокрылые комочки,
Рождая что-то и во мне.

Вчерашних трав льняные гривы
Как дүши загнанных коней.
Но ветры ластятся игриво,
И вяжет кружево крапивы
Весна, чья жажда жить сильней.

И режет кряж острей булата
Реки высокая вода,
Её вселенная крылата:
– Долой увесистые латы
В тиски сжимающего льда!

А рядом звенькает синица,
Ко мне питая интерес.
Смыкаю чувственно ресницы,
И кажется, я тоже птица,
На миг слетевшая с небес.

Опустилась январская ночь
На перины из снежного пуха.
Мне б строкою хандру превозмочь,
Да с поэзией нынче непруха.

Возвести б из эпитетов мост,
Так, чтоб ёкнуло:
 – Вот оно, братцы! –
И по мёрзлому крошеву звёзд
До соседних галактик добратся.

Сквозь хрустальную роспись окна
Чей-то теплится ответ уныло.
Пригляделась: – Да это ж луна! –
Бедолага изрядно застыла.

Я ладонью её подхватчу,
Отогрею в горсти осторожно –
Ведь поэту порой по плечу
Сделать то,
 что другим невозможно.

Целый мир вдохновенно вдохну,
Отпущу и окликну: – До встречи! –
И увижу я в небе луну,
Что сияет душой человечьей.

Рождественское

Купалось утро в куполах,
Расплывшись в солнечной улыбке,
Как на рождественской открытке.
Искрилась вязь на деревьях.
В снегу резвились воробьи –
Галдели весело, как дети.
Поодаль пёс, лохмаче йети,
Спешил куда-то. В забытьи,
Не замечая суеты,
Волхвами ввысь глядели ели.
Качала вечность в колыбели,
В лучах невидимой звезды,
Сквозь мириады бранных лет
Того, кем целый мир согрет.

Февраль

Снега́-то, эх, как припустило!
Пойду глазеть, накинув шаль.
Шепну:
 – Ну где тебя носило,
Мой бессеребреник-февраль?
То вьюжишь россыпью жемчужной,
То зарыдаешь в белый фрак.
И ничего тебе не нужно,
Отдашь любой пятак за так –
К чему скупиться, жизнь не вечна.
Рассыпав уйму серебра,
Опять молчишь со мной сердечно,
С отрадой глядя, как беспечно
В снежки играет детвора.

Новая звезда

Ночь плетёт меж облаков
Млечной дáли кружево.
В тёмной раковине снов –
Лунная жемчужина.
На космических волнах,
Меж метеоритами,
Мы друг к другу в полуснах
Тянемся орбитами.
Так сладка и брэнна суть
Силы притяжения.
Чёрным дырам не сморгнуть
Миг прикосновения.
Сквозь стальные холода
Светом человечности
Вспыхнет новая звезда,
Отдаваясь вечности.

– А нынешней метели места мало,
Лютует, скалит белые клыки.
Давненько здесь такого не бывало, –
Толкуют старожилы-знатоки. –
Недоброе затеяла старуха-
Зима у всей округи на виду,
На оханья людские тугоуха,
Того и жди, накликает беду.
Дорогою – застрúги да заносы.
Прохожий прячет душу в пальтецо,
А белые назойливые осы
Безжалостно впиваются в лицо.

Но я, волшебной снежности касаясь,
Стихийную оправдываю власть –
Зима, последней песнею прощаясь,
Как жизнь, перед глазами пронеслась.

Тише, мой город, лишённый покоя,
Вспоротый шинами бешеных дней.
Глянь, эта осень изящной рукою
Клёны баюкает словно детей.

Ласковым шёпотом, шелестом нежным,
Песней – листу окрылённому в тон –
Дарит она золотые надежды
Им – заточённым в асфальт и бетон.

Рынок блошинный. Шныряют машины.
Улицы тонут в мышинной возне.
Всё суета. Лишь в счастливых морщинах
Те деревья – с неземным наравне.

Им – от корней чистоту сохранившим,
Миру несущим любовь и покой, –
Осень поёт, безмятежно склонившись
Над колыбелью земной.